

ГЕОРГИЙ ГАРАНЯН: ПОНЕС КОГДА-ТО САКСОФОН В ПОЧИНКУ...

Удивительна судьба этого музыканта... Корифей отечественного джаза, народный артист России, лауреат Госпремии, художественный руководитель Оркестра Олега Лундстема и т. д. и т. п. — по образованию саксофонист-самоучка, студент московского Станкоинструментального института, представитель того послевоенного поколения джазменов, которое пришло в искусство из технических вузов; об этом времени мы с улыбкой вспоминаем сейчас, как о “призыве инженеров в джаз”, эпохе “физиков и лириков”...

— Как ты стал музыкантом?
— Саксофонистом-то во всяком случае — случайно. В институтском эстрадном оркестре играл на рояле. Однажды завлукблом попросил меня отнестись в ремонт саксофон. После починки инструмент на какое-то время застрял у меня дома, и я решил подуть в него. Просто так, по старой театарской привычке пробовать все механические приспособления. Правда, инструмент оказался без трости: не беда, выточил сам из пластмассовой линейки. Несколько недель тренировался, осваивая инструмент, то есть поочередно нажимая на все клапаны и выясняя, что получится, ка-

кая нота прозвучит... Потом рискнул сыграть на институтском танцевальном вечере. Звук оказался некрасивым, но претензий никто не предъявлял — саксофонистов в Москве были единицы, спрос явно превышал предложение.

Через год попал в молодежный оркестр ЦДРИ, которым руководил композитор Борис Фиготин. Но играл так слабо, что вскоре меня из оркестра удалили. Обида жесточайшая, хотя и сам понимал: плохой звук, техники же ну просто никакой. В оркестр этот вернулся через два года. Коллектив к этому времени возглавлял уже совсем другой человек — молодой Юрий Саульский. Ко мне отнесся вроде бы безжалостно: заставлял часами играть упражнения, тянуть длинные ноты в высоком регистре. Мне же хотелось не играть скучные экзерсисы, а импровизировать, блистать... Все-таки понял, что учебная работа тоже приносит результаты — звук стал лучше, фразировка — точнее. Летом 1957 года оркестр принял участие в международном “конкурсе джазов” Всемирного фестиваля молодежи в Москве. И даже завоевал там серебряную медаль. А на меня обратили внимание поляки, музыкан-

ты из секстета Кшиштофа Комеды. Вскоре я даже получил приглашение из Варшавы принять участие в международном фестивале “Джембори” 1958 года. Правда, реакция “руководства” на это письмо оказалась нулевой. Никого никуда не послали. Даже и разговоров на эту тему не было. А по поводу оркестра Саульского в газете “Советская культура” вскоре появилась заметка под названием “Музыкальные стилиаги”... Вот наблюдаешь стремление подражать худшим образцам моды. Пагубный пример утери самостоятельности являет собой молодежный эстрадный оркестр ЦДРИ (руководитель Юрий Саульский). Реминисценции случайно подслушанных по заграничному радио мелодий, интонаций, ритмических оборотов, заимствованных из того же источника, приемы оркестровки... Манера исполнения — крикливая, грубая, рассчитанная на дешевый эффект: рывканье тромбонов, вой саксофонов, грохот ударных. Мы с отвращением наблюдали за длинноволосыми отечественными плейбоями в утрированно узких брюках и экстравагантных пиджаках... Удивительно, как под крышей ЦДРИ свили гнездышко музыкальные стилиаги”...

После такой “критики” и самого оркестра вскоре не стало...

— Ты играл во многих ансамблях и оркестрах. Например, в Радиооркестре Вадима Людовиковского, потом стал руководителем оркестра на фирме “Мелодия”...

— Это был иной тип оркестра по сравнению с радиосоставом. Одинадцать музыкантов вместо прежних семнадцати. А главное — сменился стиль. Исчезли группы (труб, тромбонов, саксофонов); оркестр стал напоминать диксилендовые ансамбли 20-х годов — три трубы, два тромбона, два саксофона (практически даже один, так как занятый теперь дирижированием, соло я исполнял редко). Разумеется — бас, ударные... Такой состав позволял новаторской “Мелодии” делать

буквально всё: аккомпанировать певцам, записывать на пластинки легкую музыку. И джаз тоже — точнее, его современную, “электрическую” разновидность. Нашей задачей стало создание особой звуковой атмосферы, насыщенной многослойными ритмами, шумами. Музыка, которая лучше звучит не на концерте, а в студии. Запись тоже делалась чаще всего раздельно: сначала фиксировалась ритм-группа, потом к этой основе добавлялись духовые, электроника, если нужно и струнные. “Мелодия”, естественно, обслуживала своего работодателя — фирму грамзаписи. За восемь лет у нас вышло пятнадцать альбомов (не считая бесчисленных аккомпанементов к песням), среди них — “Танго Оскара Строка”, “Рей Конифф в Москве”, “Лабиринт”, пластинка мелодий Дюка Эллингтона в джаз-роковых образах, “Концерт в Бомбее”.

— В 1980-м “Мелодия” участвует в международном фестивале “Джаз-Ятра” в Индии. Прием у слушателей был прекрасным. “...Сюрпризом фестиваля стало выступление московской “Мелодии”. Ансамбль произвел большое впечатление своим чистым, зрелым звуком...”. Так писал критик из газеты “Таймс оф Индия”. А “Индиян экспресс” отмечал: “Мелодия” продемонстрировала близкий к идеальному баланс, прекрасный звук, интересные композиции Гараняна...”.

— В 90-х годах у меня еще один “камбэк”: возвращение к небольшой группе и акустическому звучанию, полный отказ от электрических сообразов. То есть играю ту музыку, с которой начинал в 50-е. Часто выступаю в джаз-клубах, которых в Москве сегодня немало...

— Ты, конечно, появляешься не только на сценах джаз-клубов и казино. Помню хорошо, как ты выступал в Большом зале консерватории (вечер “Джаз и поэзия”). В первом отделении читал стихи Ленгстона Хьюза Валентин Никулин, во втором (уже со стихами Иосифа Бродского) выступила

блистательная Ольга Остроумова. Это была свободная импровизация в рамках настроений, обозначенных самими стихотворениями. Звучат строчки Хьюза: “Гулко стучат там-тамы...” Гаранян мгновенно подхватывает образ, интонируя “Гарлем-нокторн”. Совпадение идеальное... Стихотворение “Если б я был композитором, то положил бы на музыку ранний рассвет в Алабаме...” Гаранян тут же откликается мелодией баллады Stars fellow on Alabama... Ассоциативный ряд точен. Во втором отделении — Бродский. Иной становится и музыка — резкой, жесткой. Гаранян забирается в “стратосферу”. Это уже фри-джаз в духе Орнетта Колмана.

Ну так что же, уважаемый Георгий Арамович, ставка делается сегодня на малые группы?

— Да нет. Старая любовь не ржавеет. Оторваться от большого коллектива я просто не в состоянии. В 90-х годах собрал так называемый “Московский биг-бэнд”, пригласив туда сливки московских джазменов — начиная от феноменального трубача Арзу Гусейнова и заканчивая ударником Володей Васильковым. Про существовали лет пять, потом у спонсоров что-то не заладилось — и мы разошлись в разные стороны. Потом несколько лет руководил “губернаторским биг-бэндом” в Краснодаре... Нас стали приглашать на фестивали — в Ростове, в Москву, а потом и за границу — в Израиль, на Тайвань (нас там почему-то особенно полюбили), во Францию...

Последние новости: я теперь еще и художественный руководитель и главный дирижер оркестра, в котором когда-то проработал много лет, — Оркестра Олега Лундстема. Стремлюсь далеко не отходить от репертуарной линии, обозначенной Олегом Леонидовичем.

Вот такая жизнь. Понес когда-то саксофон в починку... И все не могу с ним расстаться!

Беседу вел Аркадий Петров

Рос. муз. газет. — 2004. — № 7-8 (июль-авг.) — с. 43